

Цзян Шоуянь всё ещё помнил тот вечер, когда они вернулись со смотровой площадки: Чэн Цзайе, крутя в пальцах ручку, спросил его, куда он хочет отправиться. Цзян Шоуянь сидел, прислонившись к окну с кованой решёткой, и слушал, как падающие с карниза сосульки со звонким хрустом разбиваются о землю. Он ответил:

— Хочу поехать туда, где холодно.

В такую стужу кажется, будто все силы уходят лишь на то, чтобы просто выжить. Мысли замедляются, и можно вообще ни о чём не думать. Чэн Цзайе тогда сказал: «Хорошо», а затем повёз Цзян Шоуяня сквозь холмистые горные цепи Большого Хингана. Они уезжали всё дальше — навстречу спускающемуся с севера сибирскому холодному воздуху, к бескрайним заснеженным равнинам.

Всю дорогу они постоянно останавливались: заметив красивый пейзаж, делали привал, чтобы немного там задержаться. Чэн Цзайе по-прежнему фотографировал Цзян Шоуяня, словно одержимый: вот Цзян Шоуянь в одиночестве бредёт по льду; вот он бежит, преследуемый оленем, и падает; вот он прислонился к стеклу автомобиля, задумчиво глядя вдаль. Нажимая на кнопку спуска затвора, Чэн Цзайе улыбался, но, когда экран гас, он замечал в глазах своего тёмного отражения поблескивающие слёзы.

Цзян Шоуянь не сказал, как долго он хочет путешествовать, поэтому Чэн Цзайе, планируя маршрут, задумал объехать по кольцу весь северо-восток и Внутреннюю Монголию. Он заранее рассчитал путь, заказал всё необходимое в интернете, и по прибытии в третий по счёту город купил базовое снаряжение для автопутешествия, переоборудовав заднее сиденье и багажник в кровать.

Они обустроивали эту импровизированную постель прямо на парковке отеля. Поверх матраса постелили купленную ранее цветастую простыню. Одеяло и подушки, такие же пёстрые и жизнерадостные, приобрели у хозяйки гостевого дома перед самым отъездом.

Когда Цзян Шоуянь уставал сидеть на пассажирском сиденье, он перебирался назад, ложился и замирал, глядя в одну точку. Машина мерно покачивалась, мчась по национальной трассе. Цзян Шоуянь смотрел в окно на белёсое небо, прикрытое кронами корейских кедров, и вскоре засыпал.

Шёл пятый день с тех пор, как они покинули деревню Бэйхун. В покачивающемся салоне автомобиля даже сны Цзян Шоуяня были какими-то невесомыми. Казалось, в этой укрытой белыми снегами зиме даже время течёт необычайно медленно. Проснувшись в очередной раз, Цзян Шоуянь ощутил оцепенение, словно спал долгие годы. Он некоторое время смотрел на тёмно-серый потолок машины, прежде чем осознал, что она, кажется, стоит. Развернувшись и ухватившись за спинку сиденья, он выглянул вперёд: Чэн Цзайе в салоне не было.

Цзян Шоуянь приподнялся, чтобы посмотреть в окно. Неподалёку на льду столпились люди — непонятно, чем они там занимались. Чэн Цзайе сидел на корточках спиной к машине и, задржав голову, разговаривал со стоящим напротив мужчиной в войлочной шапке. Открыв дверцу, Цзян Шоуянь вышел из машины и по крепко промёрзшему льду тихо подошёл к толпе. Мужчина в войлочной шапке, заметив его, не переставая тянуть сеть, бросил Чэн Цзайе:

— Твой друг пришёл.

Только теперь Цзян Шоуянь разглядел, что они ловят рыбу. Во льду была прорублена лунка: по всей видимости, сети поставили ещё пару дней назад. Чэн Цзайе обернулся с улыбкой и спросил:

— Проснулся?

Цзян Шоуянь, опершись руками о колени и наклонившись, чтобы рассмотреть улов, ответил:

— Угу.

Чэн Цзайе пояснил:

— Хотел купить у них парочку. Вечером могли бы пожарить.

Едва он договорил, сеть вытащили целиком. С громким плеском большие и маленькие рыбины забились на льду. Чэн Цзайе оттащил Цзян Шоуяня на несколько шагов назад, и тот едва не упал. Несколько капель от бьющих хвостами рыб брызнули Чэн Цзайе в лицо. Он только успел повернуть голову и вытереться о рукав одежды, как прямо перед ним упали две крупные рыбины.

— Это вам, — сказал мужчина в войлочной шапке.

— Сколько с нас? — спросил Чэн Цзайе.

Опустив глаза, мужчина ответил:

— Денег не надо. Лучше помогите рассортировать рыбу на крупную и мелкую. Мелочь возвращайте в прорубь.

Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе сели на корточки в стороне и принялись помогать: крупную рыбу кидали в большую корзину, среднюю — в другую, а мальков бросали обратно в воду.

Широты здесь были слишком высокими, угол стояния солнца над горизонтом — маленьким, из-за чего оно никак не могло подняться в зенит. В перчатках Цзян Шоуяню было неудобно брать рыбу: та по несколько раз выскальзывала из рук, прежде чем оказывалась в корзине. Его подбородок упирался в замок молнии пуховика. Возможно, из-за того, что вокруг было слишком холодно и тихо, выражение его лица оставалось абсолютно умиротворённым. Забросив в корзину очередную рыбку, которую он смог ухватить лишь после того, как она трепыхнулась раз пять, он повернул голову и встретился взглядом с Чэн Цзайе:

— Почему ты всё время на меня смотришь?

Чэн Цзайе улыбнулся и ответил:

— Просто так.

Когда вся рыба была рассортирована, Чэн Цзайе попрощался с мужчинами и, прихватив улов, вместе с Цзян Шоуянем вернулся к машине. Достав из-под заднего сиденья портативный аккумулятор, он открыл багажник и вытащил ящик с кухонной утварью.

Пока Чэн Цзайе рядом потрошил рыбу, Цзян Шоуянь растапливал на индукционной плите снег, чтобы тому было чем помыть руки. Они провозились больше часа и, прежде чем солнце село, успели насладиться своей первой едой, приготовленной на свежем воздухе. Рыба получилась очень ароматной, горячей и согревающей.

Глядя, как Цзян Шоуянь пробует первый кусочек, Чэн Цзайе прищурился и спросил:

— Вкусно?

Рыба была ещё слишком обжигающей. Цзян Шоуянь несколько раз перекатил её во рту и, лишь выдохнув горячий пар, произнёс:

— Вкусно.

Чэн Цзайе собирался взять кусочек из котелка, но к его губам уже поднесли кусочек рыбы. Он повернул голову, и Цзян Шоуянь произнёс:

— Я вынул кости.

Чэн Цзайе с улыбкой съел предложенное и в ответ тоже угостил Цзян Шоуяня кусочком очищенной от костей рыбы. Так, кормя друг друга по очереди, они перебрались с уличных табуреток в машину и неспешно опустошили котелок.

Чэн Цзайе снял перчатки, взял его с inductionной плитки, бросил внутрь пару пригоршней снега и быстро обтёр им стенки. В снежную погоду мыть посуду — одно удовольствие: жир легко схватывается со снегом, и всё отчищается в два счёта.

Цзян Шоуянь принял из его рук чистый котелок, передал ему грелку, чтобы тот согрел руки, уложил всё в ящик для хранения и запихнул вещи на переднее сиденье. В салоне было тесно, поэтому вещи приходилось постоянно перекладывать то вперёд, то назад.

Ни один из них больше не изъявлял желания ехать дальше — они решили заночевать прямо здесь, на этой безлюдной, пустынной земле. Солнце вдали ещё не до конца скрылось за горизонтом. Чэн Цзайе, прислонившись к плечу Цзян Шоуяня, смотрел в окно на тянущийся по снегу золотистый свет и вдруг спросил:

— Цзян Шоуянь, хочешь посмотреть на фейерверки?

Цзян Шоуянь погладил его пушистые волосы и ответил:

— И где же ты в такую погоду достанешь фейерверки?

Чэн Цзайе помахал зажатой в руке грелкой перед лицом Цзян Шоуяня и произнёс:

— Фейерверки из снега.

Чэн Цзайе вскипятил котелок талой воды и перелил её в большой термос.

— Здесь нормально? — выбрав подходящую точку, он обернулся к Цзян Шоуяню, который сидел на корточках и снимал его.

Экран телефона захватывал лишь крошечную часть мира, и фон этого мира был золотым: солнце висело прямо за спиной Чэн Цзайе, превращая его самого в тёмный силуэт с размытым золотистым свечением по контуру.

Цзян Шоуянь ответил, что нормально, и нажал кнопку записи видео на телефоне. Чэн Цзайе резко вскинул руку, широкой дугой выплёскивая воду из термоса назад.

Крутой кипяток, соприкоснувшись с ледяным воздухом, мгновенно замёрз и разлетелся мириадами льдинок. Мир перед глазами Цзян Шоуяня поплыл, обратившись в окрашенный золотом ледяной туман, который застыл вечностью в объективе камеры. Над этой безлюдной землёй повисло нечто, пронизанное отчаянной романтикой.

Цзян Шоуянь через экран телефона смотрел, как Чэн Цзайе выходит из этого золотого тумана и приближается к нему. Тот опустил на корточки, снял перчатки и обхватил ладонями лицо Цзян Шоуяня.

— Почему ты плачешь?

Кто плачет? Цзян Шоуянь моргнул. Возможно, и впрямь было слишком холодно: даже осознание собственной печали приходило с запозданием. Он почувствовал, как по лицу течёт что-то горячее, увидел своё отражение в глазах Чэн Цзайе, и невольно заплакал сильнее. Он покачал головой и ответил:

— Я не знаю.

Тогда Чэн Цзайе обнял его и сказал:

— Тогда не думай об этом. Дай этому выход, Цзян Шоуянь. Хочешь смеяться — смейся, хочешь плакать — плачь. В этом нет ничего страшного.

«В этом нет ничего страшного». Услышав эти слова, Цзян Шоуянь вдруг как-то разом обмяк. А затем своим заторможенным сознанием понял: оказывается, всё это время он подавлял колоссальное напряжение. Вся его нынешняя радость словно была взята в кредит из будущего, как и наполняющая тело энергия. Он думал, что чем больше он берёт в долг, тем больше придётся отдать. Мысли об этом давили на Цзян Шоуяня, но он отчаянно нуждался в этом перерасходе, в ещё одной капле радости, ещё одной капле сил — вплоть до того дня, когда он окончательно не сможет сделать ни шагу.

Прислонившись к плечу Чэн Цзайе, он смотрел, как солнце садится за гору, и чувствовал, что этот день, кажется, уже близок. Цзян Шоуянь, пряча глаза, потёрся лицом о плечо Чэн Цзайе и пробормотал:

— Давай вернёмся в машину.

После захода солнца стемнело очень быстро. Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе, укрывшись одеялом, забились каждый в свой угол и писали друг другу письма. Тонкий лист почтовой бумаги вмещал крайне мало, поэтому Цзян Шоуяню оставалось выплёскивать лишь самую откровенную, интуитивную боль. Чем больше он писал, тем большее становилось, и чем большее становилось — тем больше он писал. Выводя последний иероглиф, он словно подвёл краткий итог всей своей жизни. С покрасневшими глазами и гудящей головой он смотрел на строчки прошлого, заполнившие этот лист. Испугавшись, что не сдержится и порвёт письмо, он торопливо свернул его и засунул в конверт. Подняв глаза, он встретился взглядом с Чэн Цзайе. Тот уже давно всё написал и теперь молча смотрел на него.

Цзян Шоуяню показалось, что под покровом этой тишины скрывается что-то ещё. В то мгновение, когда они оба сжимали в руках конверты, находясь в замкнутом пространстве друг напротив друга, Цзян Шоуянь вдруг осознал: Чэн Цзайе спит по ночам так беспокойно не только из-за его внезапного исчезновения в прошлом. Он догадался о другой, более глубокой причине. Глядя в глаза Чэн Цзайе в тусклом жёлтом свете лампочки для чтения, он задал свой вопрос, испытывая едва уловимое, извращённое удовольствие — то самое чувство, что проступало наружу вместе с кровью, когда он резал себе руки. Он спросил:

— Чэн Цзайе, ты очень боишься, что я умру?

Во взгляде Чэн Цзайе мелькнуло смятение. Цзян Шоуянь увидел, как тепло этих всегда спокойных глаз исчезает в слезах. Чэн Цзайе откинул голову назад, но взгляда не отвёл. Он с улыбкой произнёс:

— Боюсь. Конечно боюсь.

Он боялся, что проснётся и не обнаружит Цзян Шоуяня рядом, боялся, что однажды уснёт и больше никогда в жизни его не увидит. Вот почему он всегда так крепко его обнимал и просыпался от малейшего шороха.

Цзян Шоуянь крепко сжал в руке конверт, оставив на нём едва заметную складку. Слегка охрипшим голосом он спросил:

— И что ты хочешь мне сказать? Чтобы я жил и не смел умирать?

Чэн Цзайе ответил:

— Я хочу сказать, что готов принять тебя любым. Я люблю тебя и буду любить всегда.

Глаза Цзян Шоуяня наполнились слезами.

— Поэтому, не мог бы и ты хоть чуточку принять самого себя? — попросил Чэн Цзайе. — Принять свою временную уязвимость, своё временное бессилие, свою временную апатию. Ни о чём не думать, просто принять в себе всё, даже самое плохое. А потом стать деревом. Деревом, лишённым мыслей, которое живёт просто ради того, чтобы жить.

В его голосе слышалась лёгкая дрожь, которая отозвалась в самом сердце Цзян Шоуяня. Эти слова напомнили ему одну фразу, сказанную Чэн Цзайе ранее: о том, как человек шаг за шагом превращается из растения в животное, затем в ребёнка, и лишь потом вырастает во взрослого. Раньше Цзян Шоуянь этого не понимал, но сейчас, кажется, всё осознал. Он отвернулся и сквозь слёзы рассмеялся:

— Ну ты даёшь... — К горлу подкатил ком, и он с невероятным трудом, чеканя каждое слово, выдавил: — Так ты в Сан-Франциско только этому и учился?

— Да, — всхлипнул в ответ Чэн Цзайе. — Ты готов мне поверить?

На этот раз Цзян Шоуянь ответил быстрее, чем когда-либо. Смахнув слёзы с ресниц, он сказал:

— Верю.

Зрение Чэн Цзайе застилала пелена слёз. Словно разговаривая сам с собой, он прошептал:

— Значит, всё это было не зря. — Он раскрыл объятия навстречу Цзян Шоуяню и спросил: — Хочешь пообниматься?

Цзян Шоуянь прижался к нему. У Чэн Цзайе было куда теплее. Цзян Шоуянь немного перевёл дух в его объятиях и опустил взгляд на письмо, которое всё ещё сжимал в руке. Чэн Цзайе положил своё письмо поверх его конверта и сказал:

— Завтра мы их отправим.

Цзян Шоуянь сразу встревожился:

— А они точно дойдут? Сколько это займёт времени? Не потеряются ли по дороге?

Чэн Цзайе поцеловал его в макушку и ответил:

— Это уже не важно, Цзян Шоуянь.

Они опустили письма в почтовый ящик в городе Гэньхэ. В адресе на конвертах был указан дом Цзян Шоуяня.

Они переночевали в кемпинге. Цзян Шоуянь не мог уснуть, поэтому они с Чэн Цзайе вышли на улицу смотреть на звёзды. В Гэньхэ стоял лютый мороз, и кузов машины покрылся слоем инея, искрящегося, как россыпь бриллиантов. Цзян Шоуянь дрожал на пронизывающем ветру, но не хотел возвращаться внутрь. Он спросил у Чэн Цзайе, куда они отправятся дальше.

— В Хайлар, — ответил Чэн Цзайе.

Они выдвинулись в путь ещё до рассвета. Цзян Шоуянь и сам не понимал, откуда в нём в последнее время эта острая спешка — казалось, если он не поторопится, то уже не успеет.

Когда небо едва начало светлеть, Чэн Цзайе вёл машину сквозь бескрайнюю заснеженную равнину. За окном внезапно пошёл мелкий снег. Цзян Шоуянь повернул голову и спросил:

— Можно остановиться здесь?

Чэн Цзайе не стал спрашивать, зачем. Он ловко припарковал машину и пошёл следом за Цзян Шоуянем, взбирающимся по глубокому снегу на склон. Цзян Шоуянь не знал, как долго он карабкался вверх. Тяжёлая одежда давила сверху, снег тянул вниз. Наконец силы покинули его, и он рухнул на колени среди этой бескрайней мерзлоты.

Солнце понемногу поднималось, милосердно озаряя его своим золотым светом. Цзян Шоуянь медленно поднял голову и замер. Снежное небо, ореол золотого света и три самые яркие точки. Казалось, высоко в небе висели сразу три солнца, их лучи слепили его.

Здесь, во Внутренней Монголии, при температуре ниже минус двадцати градусов, он стал свидетелем редчайшего явления — паргелия, ложного солнца. Цзян Шоуянь вдруг рассмеялся, а затем его смех перешёл в глухие рыдания. В этом унылом, холодном свете ему почудился пылкий жар самого разгара лета. Этот жар пронзил его среди безбрежной снежной пустыни, подарив крохотный лучик надежды.

Цзян Шоуянь обернулся и посмотрел на Чэн Цзайе, который всё это время стоял позади него. Он спросил:

— Где кольцо?

Чэн Цзайе расстегнул молнию пуховика и вытащил из внутреннего кармана серебряное кольцо его матери. Цзян Шоуянь вырыл в снегу ямку и опустил его туда, а потом начал забрасывать углубление. Он смотрел, как мелкий снег постепенно заполняет щели, пока от раскопанной ямки не осталось и следа.

«Погружайся на дно, — подумал он. — Раз нет сил бороться, значит, нужно разбить себя вдребезги, погрузиться в дикую топь, пустить корни в самых недрах земли и вырасти деревом, лишённым всяких мыслей». Он повернул голову и посмотрел на Чэн Цзайе. С откровенной усталостью в глазах он взгляделся в его лицо и произнёс:

— Я сейчас разобьюсь на осколки.

Чэн Цзайе потёрся о его висок и ответил:

— Я склею тебя обратно. И верну тебе целого, невредимого Цзян Шоуяня.

Цзян Шоуянь медленно моргнул. Ему было так холодно, что не хотелось даже шевелиться. Поэтому, прислонившись к плечу Чэн Цзайе, он прошептал:

— Я хочу домой.

— Значит, едем домой.

<http://bllate.org/book/14908/1644661>